

Альфред Глаузер явно выполняет социальный заказ. Он стремится доказать художественную несостоятельность демократической поэзии, боевой и тенденциозной. Ибо все то, что создает реакционный буржуазный литературовед — даже удаляясь в мир видений во время каникул, — все это в конечном счете не имеет ничего общего с чистой наукой, все это служит интересам буржуазии. Что касается Виктора Гюго, то он сказал обо всех этих вещах совершенно ясно:

Искусство — радость для народа.
 Оно пылает в непогоду
 И блеском полнит синеву.
 И во всемирном озаренье
 Идут в народ его творенья,

 Как звезды мчатся к божеству.
 Искусство — это мысль живая.
 Любые цепи разбивая,
 Оно открыло ясный лик.
 Ему и Рейн и Тибр угоден.
 Народ в оковах, — будь свободен!
 Народ свободный, — будь велик!¹

М. ВАКСМАХЕР

ВОПРОСЫ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРУДАХ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ*

В трудах Института славяноведения АН СССР, изданных в 1957 году, вопросы чешской литературы занимают существенное место. Статьи, опубликованные в этих сборниках, поднимают целый ряд интересных и острых проблем.

Значительную ценность представляют работы, базирующиеся на архивных публикациях и объединенные темой русско-чешских литературных связей. К ним относится исследование А. Мыльникова о библиотеке знаменитого писателя и ученого, деятеля чешского Возрождения Иозефа Юнгмана (1773—1847), приобретенной в 1856 году Петербургской публичной библиотекой. Анализ состава этой богатой коллекции позволяет охарактеризовать широкий круг интересов чешского просветителя. Пометки Юнгмана на книгах, проанализированные исследователем, дают возможность яснее представить себе процесс работы ученого над чешско-немецким словарем, явившимся одним из его основных филологических трудов.

К этой же группе работ принадлежит публикация Л. Кишкиным писем чешского радикального демократа, выдающегося общественного деятеля, революционного публициста и талантливой поэта Иозефа Фрича к русским корреспондентам. Большую роль в развитии Фрича сыграла русская прогрессивная мысль и особенно творчество и пример Герцена, с которым Фрич был лично знаком. Л. Кишкин называет также предположительно среди русских знакомых Фрича Некрасова. К сожалению, Л. Кишкин не упомянул о дружеских отношениях Фрича с Марко Вовчок, с которой он познакомился по рекомендации И. С. Тургенева, весьма лестно отозвав-

¹ Перевод П. Антокольского.

* «Литература славянских народов», вып. 2, 144 стр., «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 22, изд. АН СССР, М. 1957. 102 стр.

шегося в письме к ней о чешском писателе. Наиболее интересно среди опубликованных материалов письмо Фрича к А. Н. Пыпину, в котором он просит помочь подобрать русские пьесы для репертуара Чешского национального театра. Это письмо свидетельствует о живом интересе Фрича к А. Н. Островскому и его стремлении популяризировать достижения русской драматургии у себя на родине.

Новым интересным фактом в истории чешско-русских литературных связей, несомненно, является и переписка А. П. Чехова с его чешскими переводчиками Б. Прусиком и Е. Билой. Опубликованные А. Игнатъевой («Краткие сообщения») письма из архивов Москвы и Праги содержат новые факты о распространенности произведений великого русского писателя в Чехии.

Большую ценность представляет работа Н. Еланского «Ярослав Гашек в Красной Армии и на партийной работе в Советской России» («Литература славянских народов»). Деятельность замечательного чешского писателя в качестве политработника Красной Армии и активного участника армейской печати не только является одним из интереснейших фактов в истории русско-чешских культурных связей, но и чрезвычайно важна для понимания биографии и творчества Гашека. Несомненно, что огромный политический и человеческий опыт, приобретенный Гашеком в России, помог ему подняться до значительных сатирических обобщений «Бравого солдата Швейка». А между тем этот важнейший период жизни Гашека еще недостаточно изучен. Правда, в 1957 году в Чехословакии появился специальный труд на эту тему (J. Křížek, Jaroslav Hašek v revolučním Rusku). Н. Еланскому также удалось собрать ряд новых ценных материалов. Для этого пришлось провести кропотливую работу по изучению редких комплектов газет — органа чехословацких коммунистов в России «Прукопник», ряда армейских изданий и газет, издававшихся в Уфе, Красноярске, Иркутске. Н. Еланский опубликовал важные материалы из архивов Советской Армии. Перед нами статьи и фельетоны Гашека тех лет. В них он пытается открыть глаза обманутым солдатам Чехословацкого корпуса, которых реакция готовилась использовать против Октябрьской революции; документы и воспоминания о его деятельности в качестве помощника советского коменданта г. Бугульмы, снимок партийного билета Гашека, статьи и сатирические фельетоны в уфимской газете «Наш путь»; в научный оборот вводятся выступления Гашека в качестве секретаря комитета уфимской организации иностранной Коммунистической партии (большевиков) и уполномоченного Австро-Венгерского совета рабочих и солдатских депутатов в России. Из работы Н. Еланского ясно вырисовывается облик Гашека тех лет, его высокая политическая сознательность, незаурядная энергия, дисциплинированность. Как далек этот облик от того портрета легковесного насмешника и циника, который рисовали буржуазные чехословацкие литературоведы!

К сожалению, Н. Еланский не дает литературоведческого анализа сатирической публицистики Гашека этих лет. Между тем такой анализ мог бы пролить новый свет на этот важный этап развития писателя.

Большинство статей рецензируемых сборников касается вопросов чешской литературы XX и конца XIX веков. В «Кратких сообщениях» опубликован автореферат Л. Кишкина, посвященный анализу гражданской поэзии Сватоплука Чеха. Ряд сложных проблем творчества этого классика чешской литературы не нашел еще разрешения в марксистском литературоведении. Поэтому тему работы можно только приветствовать. Вполне оправдано стремление автора разбить тенденциозные утверждения буржуазного литературоведения, изображавшего С. Чеха то оторванным от

жизни романтиком, то выразителем взглядов буржуазной «младочешской» партии. К достоинствам работы принадлежит и хорошее знание материала. Однако нельзя сказать, что Л. Кишкину удастся всегда придерживаться пути объективного научно-исторического исследования. На первой же странице работы автор щедро награждает Чеха рядом «поощрительных» эпитетов, излюбленных многими литературоведами, это — «глубокий оптимизм, народность, реализм, демократическая и революционная идейная направленность и высокое художественное достоинство» (стр. 75). Такая «щедрость» ставит в дальнейшем автора в несколько затруднительное положение. Нельзя согласиться с его настойчивыми попытками увидеть в Чехе законченного реалиста. Говоря о вершине творчества С. Чеха—гражданской лирике 80-х и 90-х годов, Л. Кишкин утверждает, что особенность реалистического в основном метода Чеха как раз и состоит в... чертах революционного романтизма. Мы не призываем воздвигнуть непроницаемую перегородку, отделяющую «элементы романтизма» от «элементов реализма», но каким образом романтизм, пусть даже революционный, может стать особенностью реалистического метода, это нам непонятно. Думается, следовало бы сказать более определенно о большом значении романтических тенденций в творчестве Чеха.

Тем более что вопрос о характере творческого метода С. Чеха связан с чрезвычайно интересной проблемой значительного развития романтизма в конце XIX века в ряде литератур стран Восточной Европы.

Л. Кишкин подробно и во многих случаях интересно анализирует гражданские стихи С. Чеха: «Утренние песни», «Новые песни» и «Песни раба». Однако и здесь стремление подчеркнуть прямо и безоговорочно революционность Чеха ведет к известному упрощению; Л. Кишкин даже не упоминает о тех произведениях (например, о стихотворениях «Словом и железом», «Братство», «Наше оружие» и других), где вопрос о революционном пути преобразования общества предстает далеко не решенным для С. Чеха. Как раз с трудом преодолеваемые иллюзии буржуазного гуманизма составляют основу противоречий в творчестве Чеха, хотя бесспорно, что он пошел дальше большинства чешских писателей того времени по пути усвоения пролетарской идеологии. Анализ этих противоречий помог бы раскрытию его подлинного исторического места в развитии чешской литературы.

Наряду с верным определением общей социальной направленности «Песен раба» и их большого значения в общественной борьбе того времени, многое и тут трактуется несколько упрощенно. Условно-аллегорическая форма «Песен раба» отвечала существенным внутренним закономерностям поэтического развития Чеха. Поэтому трудно согласиться, что эта форма была в значительной степени обусловлена цензурой и что «Песни раба» «глубоко реалистичны» (стр. 84).

В чехословацкой критике при оценке одной из предыдущих работ автора о С. Чехе, основанной на той же концепции, отмечалось, что Л. Кишкин «выпрямляет» творчество С. Чеха, освобождая его от многих противоречий. Думается, что и эта работа о С. Чехе не свободна от подобных недостатков.

Серьезным исследованием является работа А. Соловьевой «Петр Безруч и его «Силезские песни». «Силезские песни» Безруча занимают исключительное по важности место в чешской литературе конца XIX — начала XX века.

В Чехословакии существует много статей и монографий, посвященных этому самому значительному произведению Безруча, но в СССР его творчество известно сравнительно мало.

А. Соловьева дает обстоятельную оценку основных чешских работ о Безруче. Живым и интересным получился рассказ о жизни и литературной деятельности писателя. Соловьева использовала богатый материал писем, воспоминаний и свидетельств современников.

Наиболее удачен разбор идейно-тематического содержания поэтического сборника «Силезские песни», создававшегося в конце 90-х годов XIX века и посвященного страшной судьбе обитателей чешской промышленной Силезии, народ которой испытывал особенно тяжелый национальный и социальный гнет. В статье А. Соловьевой хорошо показан конкретный исторический смысл стихов Безруча, точно и глубоко отразившего общественные противоречия в родном краю, раскрыты прямые политические намеки (например, отображение событий кровавого подавления Оставской стачки 1894 года). Наряду с этим подчеркнута и умение Безруча создавать монументальные образы-символы, позволившие ему запечатлеть, по выражению К. Чапека, «трагический и патетический мир... где солнце не светит, а человеческая ладонь отчаянно сжалась в кулак». Внимательно рассмотрены высказывания Безруча о назначении поэта. Безруч, заявлявший, что для него речь шла не о поэзии, а об «истине тремящих цепей», выступает не просто за рабочих, а от их имени, что делает его стихи, по справедливому выводу автора, новым этапом в чешской демократической поэзии, началом чешской пролетарской поэзии, связанной с идеями научного социализма. Жаль, однако, что А. Соловьева полностью обошла любовную лирику поэта; анализ этих стихов сборника позволил бы показать более полно богатство и многогранность духовного мира поэта.

Менее удовлетворяет, по нашему мнению, разрешение второй задачи, которую поставил перед собой автор: определить место Безруча в развитии чешской литературы. Борьба реализма с декадентскими течениями в конце века, популяризация демократической и буржуазной культуры показаны здесь несколько упрощенно. Между тем борьба литературных направлений в Чехии была в конце XIX века чрезвычайно сложной. Мы уже говорили в связи с Чехом о той большой роли, которую играет в этот период романтизм в чешской литературе. Эта проблема в статье Соловьевой не поставлена. Следовало бы больше внимания уделить новым тенденциям в чешской поэзии, связанным с именами А. Махара и Й. Сова. Более подробно следовало бы охарактеризовать писателей-масариковцев, группировавшихся вокруг журнала «Час», в котором публиковал свои стихи и Безруч. Не надо преуменьшать очень большого влияния идеолога чешской национальной буржуазии Масарика и его группы на чешскую культуру в тот период. Их во многом демагогические требования реалистичности в политике и искусстве, острая критика Австро-Венгерской монархии, усиленно прокламировавшиеся в то время симпатии к рабочему движению привлекали ряд демократических деятелей культуры и в том числе Безруча.

Более глубокая постановка вопроса о месте Безруча в чешской литературе позволила бы лучше показать и новаторство Безруча. Так, особенности реализма Безруча проявляются очень ярко в сравнении с патетически приподнятым стилем С. Чеха, хотя, как справедливо показывает автор, Безруч в известном смысле продолжает традиции гражданской поэзии Чеха.

Нельзя сказать, что А. Соловьева не исследует художественную ткань произведений Безруча. Но она делает это, по существу, описательным методом, говоря о художественных особенностях отдельных произведений. Между тем важно дать обобщающую характеристику реалистического метода Безруча. Автор справедливо отме-

чает близость Безруча к народному творчеству. Но нам представляется чрезвычайно важной и другая сторона вопроса, на которую обращено внимание и в последних работах чешских исследователей (например, Ф. Бурианека). Безруч не был, как утверждают буржуазные литературоведы, например А. Новак, «честным варваром, поэтом без литературной техники, без европейской культуры». Поэтому важно показать те подчас сложные и вполне соответствующие современной Безручу поэтической технике приемы, которыми он пользовался: меняющийся, гибкий ритм, новаторскую рифмовку, мастерское владение вольным стихом, начинавшим играть большую роль в чешской поэзии. Если нельзя говорить о прямом влиянии Уолта Уитмена на Безруча, как это иногда делалось, то интересен вопрос об известной творческой переключке двух великих поэтов. Заслуживает внимания и вопрос об античной традиции в творчестве Безруча, присутствие которой, как и обращение, например, к индийской философии, свидетельствует об огромном культурном кругозоре чешского поэта. Думается, что постановка всех этих вопросов, позволяющих более разносторонне осветить место Безруча в чешской и мировой поэзии, обогатила бы работу. Но и в настоящем ее виде она полезна для нашего понимания чешской литературы.

Среди явлений чешской литературы 20-х и 30-х годов XX века, нуждающихся еще, по мнению чехословацких литературоведов, в серьезном изучении, особое место занимает сложное, противоречивое творчество Чапека — писателя, получившего всемирную известность.

В последнее время чехословацкие литературоведы приступили к решению этой проблемы. Заслуга в этом принадлежит и советским критикам (в частности, следует назвать статьи С. В. Никольского). Вкладом в ее решение явилась и диссертация В. Шевчука «Антифашистские произведения Карела Чапека», автореферат которой опубликован в «Кратких сообщениях». Положительным моментом работы является изучение эволюции Чапека в 30-е годы и высокая оценка антифашистских произведений писателя, представляющих, бесспорно, вершину его творчества. Интересен анализ художественных особенностей романа «Война с саламандрами», истолкование его конкретного социального смысла. Менее удачным представляется нам анализ драм. Автору не вполне удалось показать их идейное и художественное своеобразие (особенно это относится к анализу драмы «Мать»). Сложная и оригинальная форма этой драмы, раскрытие тончайших оттенков психологии человека подчинены здесь задаче изображения того, как в напряженной борьбе мировоззрений рождается истина боевого гуманизма, ставшая доступной самому писателю также в результате тяжелой борьбы. Известным упрощением нам представляются некоторые утверждения автора вроде следующего: «Заключительные сцены драмы «Мать» лишены уместного здесь оптимизма, что ослабляет мобилизующее значение финала» (стр. 97). Не многие произведения антифашистской литературы в те напряженные годы, когда «Мать» обошла сцены ряда театров мира, оказывали такое мобилизующее действие, как величественный финал драмы «Мать».

Периодизация творчества Чапека, принятая автором, на наш взгляд, правильна. Однако оценка отдельных периодов вызывает возражения. Верно, что Чапек в начале 20-х годов создал произведения значительной социальной остроты («РУР», «Средство Макропулоса», «Кракатит», «Фабрика Абсолюта», «Английские письма»), но не верно, что здесь Чапек не сумел подняться до широких социальных обобщений. В частности, уже здесь Чапек ставит вопрос о противоречивости технического про-

пресса в условиях буржуазного общества, крайне важный для всего его творчества. Уже в «Кракатите» и в «Фабрике Абсолюта» складывается тот жанр социально-фантастического романа-памфлета, который получил такое блестящее развитие в «Воине с саламандрами». По этому поводу было бы уместно поставить вопрос о характере реализма Чапека, в котором нашли яркое выражение многие особенности критического реализма XX века. Нам кажется неверным рассматривать десятилетие 1924—1934 годов как сплошной провал в творчестве Чапека. И в это время продолжает развиваться и зреть чапековское мастерство изображения человека. Для понимания смысла антифашистского периода творчества Чапека необходимо было бы привлечь материал его сатирических произведений, прежде всего «Апокрифов» и «Афоризмов», которые позволили бы более ясно представить себе идейную и политическую эволюцию писателя. Вообще нам думается, что творчество Чапека должно быть осмыслено в связи с общими проблемами прихода западных писателей-гуманистов к антифашистской борьбе.

Статья С. Шерлаимовой «Литература народно-демократической Чехословакии» («Краткие сообщения») ставит перед собой весьма широкие задачи. Автор стремится проследить основные этапы и направления развития чехословацкой литературы за истекшее десятилетие и дать обзор наиболее выдающихся произведений. Несмотря на то, что из обзора почти исключена драматургия, круг проблем, встающих перед автором, огромен. Решить их в рамках статьи, сравнительно небольшой по объему, тем более трудно. Отметим, что ни вопрос об этапах, ни вопрос о направлениях новой литературы не получил ясного разрешения и в Чехословакии. Думается, что С. Шерлаимовой удалось разрешить главным образом вторую часть своей задачи, то есть дать обзор наиболее выдающихся произведений.

Вопрос о периодизации литературы народно-демократической Чехословакии чрезвычайно сложен; в настоящее время остается спорным: совпадают ли полностью этапы развития литературы с этапами политического развития государства. Во всяком случае, такая периодизация (которой придерживается С. Шерлаимова) нуждается в доказательстве. Необходимо прежде всего глубоко и исторически конкретно раскрыть содержание каждого периода. Нам не кажется, что этап, начинающийся после февраля 48 года, отличается от первого этапа «борьба за литературу смелого вторжения в жизнь, больших характеров и яркой социалистической мысли» (стр. 9). Все эти качества воплощены в высокой мере и в «Немой баррикаде» Яна Дрды, и в «Игре с огнем» М. Пуймановой, и в «Хронике» П. Илемницкого, и, конечно, в бессмертном «Репортаже с петлей на шее» Ю. Фучика, с которым автор справедливо связывает многие достижения новой литературы. А ведь все эти произведения написаны до 1948 года. Характеризуя напряженную борьбу с буржуазной идеологией до февраля 48 года в области литературы, автор не указывает, что содержанием этой борьбы явилось противодействие попыткам выдвинуть буржуазный гуманизм масариковского типа против социалистического и противопоставить лжесоциалистическую реформистскую демагогию подлинному социализму. Что касается этих попыток, то исключительно характерна программная речь президента Бенеша на I конгрессе чешских писателей в 1946 году, основные положения которой удивительным образом перекликаются с декларациями современных ревизионистов по литературным вопросам. Все это заслуживает пристального внимания.

Значительная часть статьи посвящена развитию литературы народно-демократической Чехословакии после февраля 1948 года. Этот раздел состоит преимущественно

но из обзора наиболее выдающихся произведений, сгруппированных по тематическому признаку. Многие из характеристик писателей, произведений и отдельных образов, на наш взгляд, верны, другие вызывают желание поспорить. Однако дело не в этом. Рассмотрение отдельных произведений не подчинено, к сожалению, той проблеме, которая в данном случае является основной, проблеме развития социалистического реализма. К тому же новаторство молодой литературы рассмотрено только в идейно-тематическом аспекте.

Анализ развития социалистического реализма в чехословацкой литературе позволяет дать отпор тем, кто утверждает, что социалистический реализм был, так сказать, введен административным путем на Первом съезде чехословацких писателей в 1949 году. Но для этого необходимо не просто упомянуть о достижениях социалистического реализма в период буржуазной республики, а показать достижения писателей до 48-го года и после, как продолжение и обогащение традиций, уже прочно сложившихся в чехословацкой литературе в 20—30-х годах и в период антифашистского сопротивления.

Чрезвычайно важно также показать художественное новаторство новой литературы Чехословакии. Кстати, когда автор идет не от обзора, а от проблемы, как, например, в разделе о поэзии, где многие произведения рассматриваются с точки зрения новых критериев прекрасного, — суждения ее гораздо интереснее.

Конечно, и серьезный, квалифицированный обзор фактов, каким является эта статья, представляет интерес. Однако думается, что пора таких обзоров (которые представляли основной жанр работ в то время, когда наше литературоведение только подходило к изучению литератур стран народной демократии) прошла. В настоящее время наступила очередь работ, более глубоко и обобщенно ставящих основные вопросы развития литературы. В ряде статей рецензируемых сборников такие вопросы поставлены. В этом, а также в привлечении богатого и свежего фактического материала их значение.

И. БЕРНШТЕЙН

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ*

Чем больше вчитываешься в книгу Ф. Благовещенского, тем яснее становится, что никакая статья не может столь лаконично и объективно охарактеризовать ее, как сам автор. А потому предоставим ему слово.

Ваня Земнухов и Жора Арутюнянц — «...В их облике воплощены черты той молодежи, которая впитала в себя сознание добросовестного отношения к людям и государственному имуществу...» (стр. 25).

Вырикова и Лядская — «...Этих высказываний достаточно, чтобы иметь четкое представление об облике Выриковой и Лядской — типов весьма распространенных в трудное время жизни, подлинных представителей маразма мирного населения в годы войны...» (стр. 66).

* Ф. М. Благовещенский, Творческая история романа «Молодая гвардия», «Ученые записки Бирского государственного педагогического института», Уфа, 1957, 288 стр. Печатается по дозволению Министерства просвещения РСФСР.